K₂ № 173

ر ۱۱ عار ق

Воскресенье, 10-го августа 1903 года.

Инородческая кабала.

"Инородны-въчные рабы лукавы: заимодавцевъ",

Изъ оффиціальнаго сообщенів начальника алтайской миссін (1853).

Существуютъ общественныя явленія крайне безобразныя по существу, но такія, съ которыми современники настолько сжились, къ которымь они настолько привыкли, что безобразіе потеряло характеръ остроты, сдъялось обычнымъ, такъ сказать, шаблоннымъ. Къ категоріи такихъ общественныхъ явленій должна быть отнесена въ Сибири и "инородческая кабала". Всъ писатели объ инороднахъ, всъ изследователи инородческой жизни яркими красками и массой примъровъ иллюстрировали проявденіе инородческой кабалы, видя въ ней одну изъ основныхъ причитъ инородческаго прогрессивнаго объднения и вымиранія для большин-

ства инородческихъ племенъ, но государство и интеллигентное общество до сихъ поръ не только не выработали какихъ либо практичестихъ мъръ для борьбы съ этимъ зломъ, роковымъ для самаго существованія инородцевъ, какъ отдъльныхъ племенныхъ группъ, но даже не стълали въ этомъ направленіи какихълибо, заслуживающихъ вниманія, серьезныхъ практическихъ попытокъ къ детальной разработкъ инородческаго кабальнаго вопроса и для устраненія "кабальной гангрены".

Съ разръшеніемъ инородческаго вопроса въ Сибири въ его широкомъ объемъ тъсно связано ръшеніе экономическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ инородческой вопросъ является одной изъсоціальныхъ проблемъ и притомъ проблемъ весьма трудныхъ. При ръшеніи ея очень соблазнительно не устоять и не перейти на почву теоріи laissez faire, laissez разѕег, за которой хотя и слышатся суровое римское vae victis (горе побъжденнымъ), но вмъстъ съ тъмъ, пови-

димому, стоитъ и открытый Дарвиномъ зоологиче-

скій законъ борьбы за существованіе и выживанія болъе приспособленныхъ. Придерживаясь миънія нѣкоторыхъ ученыхъ, основывающихъ свои выводы, какъ на этомъ железномъ законе, въ примѣненіи его къ соціологическимъ явленіямъ, такъ и на масев фактовъ, взятыхъ изъ исторіи, многія лица, принадлежащія къ составу русской интеллигенціи, къ факту вымиранія инородческихъ племенъ относятся какъ къ фатальному явленію, которое не смогуть устранить никакія человъческія усилія. Эти лица подагають, что подобный выводъ вполнѣ логически обоснованъ, не принимая во вниманіе того, что, собственно говоря, серьезныхъ практическихъ мъръ для огражденія инородцевъ отъ вымиранія и не дълалось. Главная причина вымиранія - это объдненіе, а какія же серьезныя попытки предпринимались для борьбы съ этимъ явленіемъ? Не только среди инородческаго населенія, но и вообще среди бѣднѣйшихъ классовъ человѣчества повсюду наблюдается наименьшая устойчивость бъдныхъ въ сравненіи съ обезпеченными, такъ что расовыя свойства, поскольку они способствуютъ вымиранію народности, еще не могутъ считаться вполнъ выясненными. Исторія дала массу фактовъ и изъ нихъ пока можно сдѣлать одинъ неоспоримый и очевидный выводъ-объдненіе народа, достигшее изв'єстнаго пред'єла, повышаетъ смертность, понижаетъ рождаемость и ухудшаеть физическій типъ. Изъ той же массы историческихъ фактовъ нельзя сдѣлать вывода, что "низшія" въ культурномъ отношеніи расы не способны воспринять, усвоить и совершенствовать дал'ве плоды цивилизаціи, достигнутыя ихъ болве культурными собратьями. Пока имъются хоть два-три факта противоположнаго свойства -- до тѣхъ поръ вышеприведенный выводъ является не достаточно логически обоснованнымъ. А такихъ противоположныхъ фактовъ не два — три, а десятки, ёсли не сотни. Достаточно привести примъры изъ жизни и исторіи японцевъ, финновъ, негровъ, не говоря уже объ отдъльныхъ личностихъ изъ нашихъ сибирскихъ киргизъ, бурятъ, соетовъ, и проч. Европеецъ всюду несъ съ собой къ инородцамъ порабощеніе, захватъ имущества, болъзни, водку, смерть и кабалу. Культурныя мъры отпускалъ онъ инородцу крупицами, да и то случайно, тогда какъ убивалъ, разгорялъ и спаивалъ его систематически въ громадномъ масштабъ...

Въ настоящей статъв мы скажемъ нъсколько словъ только о кабалв алтайцевъ, занимающихъ южную часть Томской губерпіи—Алтайскія горы съ ихъ долинами. Уже болбе стольтія возникло въ этихъ мъстахъ селеніе Уймонское и вскорв же послѣ его возникновенія является въ немъ семейство Ошлыковыхъ, которые начали вести съ алтайцами торговлю,

Алтайцы у своего жилища.

главнымъ образомъ мѣновую. Торговля эта была настолько прибыльной, что въ короткій періодъ Ошлыковы стали уже богатыми людьми, извъстными за уймонскими предълами. Алтаецъ нуждался въ чать, табакть, порохть, свинцтв и проч. и шелъ къ торговцу, предлагая ему оръхъ, скота и шкуры разныхъ звърей, которыми Алтай въ тв времена быль богать. Промысель орвха и звъря не всегда быль удаченъ, почему инородолженъ былъ прибѣгнуть къ кредиту. Размѣры кредитнаго роста въ тѣ времена не были урегулированы закономъ и потому всякіе проценты были дозволены и законны. Ростовщичества, какъ преступленія, не существовало, оно было терминомъ бытовымъ, но не юридическимъ. Прим'връ Ошлыковыхъ вызвалъ подражанія, хотя, спѣщу оговориться, Ошлыковымъ вовсе не принадлежить "честь" открытія нового способа увеличить свое благосостояніе, способъ этотъ-инородческая кабала-былъ давно извъстенъ. Ошлыковы явились въ данномъ районъ только первыми людьми, примѣнившими этотъ способъ. Современемъ въ Алтайскія дебри пошло все болѣе и болѣе русскаго элемента, стали основываться поселки и отд'вльныя заимки, и число лицъ, кредитующихъ инородца, возрасло. Каждый, на вжающій въ Алтай торговець выби-ралъ мъсто "болъе дикое"; подъ этимъ терминомъ разумълъ онъ мъстность, гдт еще не было русскаго элемента, гдв еще не было такихъ же торговцевъ. Прійдя туда и поселясь съ небольшимъ капиталомъ, онъ быстро "оперялся", увеличивалъ свои торговыя операціи, заводилъ обширное скотоводческое хозяйство, собиралъ въ качествъ работниковъ и пастуховъ своихъ кабальниковъ-алтайцевъ, нанималъ прикащиковъ и строилъ хоромы со службами для помѣщенія товаровъ, скота, работниковъ, приказчиковъ. Такимъ образомъ, среди алтайскихъ дебрей основывалось крѣпкое гнѣздо, раскинувшее свои съти далеко въ окрестностяхъ. Объ условіяхъ кредита на Алтаф помимо разныхъ корреспонденцій въ газетахъ имфются сведенія, опубликованныя такимъ компетентнымъ и достовърнымъ лицомъ, какъ академикъ Радловъ. "Въ 1860 году, говорить онъ въ своемъ путеществіи по Алтаю, я имълъ случай видъть процессъ, гдъ одному торговцу за нѣсколько бѣличьихъ шкурокъ иза два шила - въобщей сложностиза 28 к., присуждено было получить съ двоеданца-(инородца), живущаго около рѣки Шибита, 81 быка" Следуеть заметить, что судь этоть быль не русскій-коронный, а инородческій, а въ такихъ судахъ засъдали въ качествъ судей или лица боле богатыя, состоящія въ хорошихъ отношеніяхъ съ торговцемъ или зависимыя отъ него въ экономическомъ отношеніи. Подобныя рѣшенія инородческіе суды произносили зачастую. Торговецъ въ случав надобности и шелъ въ та-

кой судъ, которому онъ могъ диктовать свои ръшенія. Тотъ же академикъ Радловъ какъ на прим'тры кабальныхъ торговыхъ операцій указываеть на кредить подъ кедровый орфхъ. Торговецъ продаетъ въ долгъ, конечно, по высокой цент какой либо товаръ съ условіемъ выплатить за него столько-то пудовъ орѣха на будущій годъ Урожай кедровыхъ орѣховъ бываеть не 'каждый годь. Если случается недородъ и должникъ не доставитъ всего количества орѣха, то на слѣдующій годъ онъ обязанъ уже доставить двойное количество оставшагося за нимъ, на третій годъ также и т. д. Такимъ образомъ долгъ растеть ежегодно вдвое и достигаетъ громадныхъ суммъ, погасить которыя нерадко уже нать возможности. Торговецъ не желаетъ разсчитываться на наличныя деньги по прошлогодней цънъ, а требуетъ непремънно товара условленнаго сорта, и если соглашается взять товаръ другого рода, напримфръ мѣха, то по той цѣнѣ, какую угодно ему назначить, а на цѣны эти алтайскіе тор-

говны очень скупы, зная, что кабальнику некуда д'вваться. Характерны для обрисовки отношеній между заимодавцами и должниками - инородцами на Алтав формы разсчетовъ за скотъ Торговецъ напримъръ покупаетъ у алтайца теленка, но такъ какъ корова кочевника не даетъ молока безъ теленка, то последній оставляется у продавца и передается покупщику уже на следующій годъ, повышенный въ цене вдвое или втрое. Уходъ за нимъ не идетъ въ счетъ. Купившій иногда нам'вренно не требуетъ передачи теленка на другой же годъ и требованіе это предлагаеть уже черезь два-три года, получая вм'всто теленка быка. Въ случав же гибели скотины торговцу уплачивается ея стоимость частью зв вриными шкурами, частью другими товарами, а также мелкимъ скотомъ, оставляемымъ у хозяевъ опять таки на-выростъ, такъ что кредиторъ иногда въ теченіе нъсколькихъ лѣтъ за кирпичъ чаю собираетъ у инородца-алтайца въ десятки разъ болъе стоимо-сти проданнаго въ кредитъ. Мы не будемъ приводить отдёльныхъ примёровъ кабалы; изъ общей обрисовки этихъ кабальныхъ отношеній ясно, сколько теряетъ инородецъ, не имъя доступнаго кредита и пользуясь имъ у частныхъ лицъ-торговцевъ. Ничуть не удивительно поэтому прогрессивное и быстрое объднение алтайцевъ, уменьшение размъровъ ихняго скотоводства и выд'вленіе изъ алтайской массы громаднаго количества бъдняковъ, для которыхъ кредить, какъ бы онъ ни быль тяжель, положительно необходимъ. Организація болѣе дешеваго кредита инородческому населенію является мфрой, которая можеть поддержать его и спасти отъ прогрессирующаго объднънія и, какъ результатъ послъдняго,—вымиранія. При крайней бѣдности народа невозможно и проведеніе въ

люлей.

жизнь его культурныхъ мѣръ. Бѣдность порождаетъ апатію, полное равнодушіе, что въ соединеніи съ кабальными отношеніями ведеть за собой полное отсутствіе интереса добыть болѣе средствъ, такъ какъ этими плодами трудолюбія все равно не придется воспользоваться. Многіе алтайцы дошли уже до такого состоянія, у нихъ нътъ почти скота, они осъли на мъстахъ, перестали кочевать, ихъ жилища положительно жалки, ихъ питаніе скудно, а жизненная обстановка говорить о крайнихъ предълахъ нищеты. Многіе торговцы на Алтаф нынф жалуются на упадокъ дъть и вспоминають о прошлыхъ временахъ. Этотъ упадокъ и долженъ быть какъ результатъ хищнической дізтельности въ теченіи десятковъ лътъ. Государственный льготный кредитъ долженъ придти на помощь инородческой бъднотъ и освободить ее изъ кабальныхъ путъ. Организація такого кредита возможна, стоить только за нее взяться, воспользовавшись указаніями благожелательныхъ инородче-скимъ племенамъ мѣстныхъ

Ал. Михайловичъ.

Сонъ.

Болеслава Пруса.

(съ польскаго).

На четвертомъ курст медицинскаго факультета быль нѣкій студенть. Существовать онъ двумя уроками на шесть рублей въ мѣсяцъ, помѣщался на четвертомъ этажѣ въ ком-натѣ за 4 рубля. Онъ никогда не платилъ правильно за квартиру-не потому, что желалъ разорить хозяина дома, а просто потому, что не имълъ достаточно денегъ.

И зимой, и лѣтомъ онъ носилъ мундиръ, побълъвшій на швахъ, съ вытертыми до крас-

ной мѣди пуговицами. Брюки его были такого страннаго вида, что ихъ едва можно было принять развъ за логарифмы брюкъ, Карманы свои онъ самъ называль бездной, такъ какъ они всегда были пусты, а въ концѣ концовъ сконфуженные куда то совсѣмъ исчезли. Вмёсто нихъ остались глубокія дыры до самой земли.

Последствіемъ такихъ исключительныхъ матеріальныхъ условій, бѣдный студентъ имълъ впалую грудь, сильно подтянутый животь и въчно опущенную голову, не отъ горя и печали, конечно, а по той простой причинъ, что бъдная голова его заключала въ себъ гораздо большую дозу науки, чъмъ могла нести его тонкая и худая шея.
— О! Если бы я могъ, говорилъ

онъ не разъ—я совсъмъ иначе устро-илъ бы міръ: во первыхъ, у меня былъ бы урокъ за 30 руб. въ мѣсяцъ. Каждый день обѣдъ, зимою теплое пальто и плата за квартиру, а теперь... Я охотно даль бы тому сто рублей, кто бы

предсказалъ мнъ, окончу ли я курсъ медицины, или нътъ?.. А то въдь съ этимъ глупымъ кашлемъ и съ этимъ легкимъ... А впрочемъ, какое миъ дъло? Не я же буду виновать, если Европа лишится такого превосходнаго врача! А какъ бы я лъчилъ, всъмъ паціентамъ всегда одинъ и тотъ же рецептъ: сухое помъщеніе, отапливаемое каждый день; не завтракать и не... ужинать можно, но объдать безусловно. Одежда должна быть цѣлая и соотвътствующая сезону, притомъ необходимо имъть, самое меньшее, двъ сорочки... избъгать лекарствъ и докторовъ"...

Однажды передъ Рождествомъ, получивши 5 р. за уроки, пріятель нашъ очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Нужно бы отдать за квартиру за іюль, а тутъ бѣда! пришлось отдать 3 руб. долгу уважающему товарищу, 75 к. лавочнику за провизію, сторожу быль долженъ рубль.

Гдѣ же тутъ взять за квартиру?

Онъ такъ былъ обезкураженъ недостаткомъ финансовъ, что только къ вечеру вернулся домой.

На четвертый этажъ перебрались уже новые жильцы, — сказалъ ему дворникъ, почесывая затылокъ.

что за разбой? горячился студентъ, опуская руку въ карманъ, въ которомъ у бандитовъ бываеть револьверъ, а у обыкновенныхъ смертныхъ деньги.

Хозяинъ говоритъ, что вы не платите ему

полгода и велѣлъ ваши вещи вынести въ мою

избу. Тамъ поселился какой то бъднякъ съ же-

ной и тремя дътьми. Сегодня уже они заняли

бы сюда переселился какой нибудь Блокъ или

Кроненбергъ, показалъ бы я хозяину, что зна-

чить пренебрегать своими обязанностями! И

кивнувъ головой, онъ вышелъ на улицу, не

спросивши даже о своихъ вещахъ, которыя между

Зубная щетка, половина полотенца и очень

Идя по улицъ, онъ вспомнилъ, что слишкомъ

долго постился, и что необходимо что нибудь

А! если такъ, то ничего еще! Но пусть

у меня угля и картофеля.

тьмъ достойны были мудреца:

красивый анатомическій атласъ.

Кто?.. Какимъ образомъ? Это что за насиліе?

- Вотъ скандальная баба! Еще скомпрометируетъ меня: ея платокъ и мой мундиръ такъ походять другь на друга, что прохожіе могуть принять насъ за родственниковъ.

Пошли вамъ Богъ счастья! Счастья! Что такое счастье?

Не разъ слышалъ я это слово и, хотя быль совершенно доволенъ своей судьбой, не могъ-бы однако утверждать, что когда нибудь быль счастливъ..

Впрочемъ, вечерокъ у Баера чего нибудь да стоитъ, чортъ возьми! Я одинъ съблъ тамъ кажется пять сарделекъ, съ полфунта сыру, не считая уже булокъ. А пуншъ? А бургундъ отъ Мавиньяка?... а апельсины?... Апельсины были кажется натуральные... Ълъ я и пилъ тамъ какъ какой-нибудь князь!

Даже дъвицы были, если не ошибаюсь, изъ первокласснаго ресторана... Не могу сказать, чтобы и это было счастье... Но что же такое счастье?

Двенадцать леть тому назадъ, когда онъ тхалъ на Рождество домой въ легкомъ пальто, ему было такъ холодно, что онъ чуть не замерзъ совсемъ, но за то, когда онъ прівхаль домой, ему дали горячаго чаю съ молокомъ и послѣ уложили въ теплую постель и его окоченъвшія ноги стали согръваться, онъ почувствовалъ такую неизвъданную благодать...

Ему стало такъ весело, что онъ разсм'вился, увид'ввъ на ствив твиь головы отца съ непормадыю огромнымъ носоми... А такъ весело мигала та то свъча и какъ спокоппо вышаль онъ, радуясь тому, что морозъ такъ изрядно

пробраме его.
Позже въ его жизни много было такихъ морозовъ, холода и голода, но странная вещь: ни одно изъ всѣхъ пережитыхъ наслажденій не пром'внялъ бы онъ на вечеръ съ дѣвицами и пуншемъ; не промѣнялъ бы даже на 30-ти рублевый урокъ. Не это ли счастье? Вотъ забавная вещь! Размышляя такимъ образомъ, онъ и

не зам'втилъ, какъ очутился въ Саксонскомъ саду. Въ аллеяхъ изрѣдка только появлялись прохожіе, быстро стремясь къ выходу, какъ будто за

ними гнались наступающая ночь и холодъ.

На ситгу играли итсколько собакъ. Въ сторонъ отъ нихъ, переминаясь съ лапы на лапу и дрожа отъ холода, сидъла одинокая собачка съ необыкнотонкой таліей и меланхолическимъ взглядомъ. Видъ ея напомнилъ студенту, что онъ и самъ чертовски озябъ. Положивши свертокъ съ колбасой на скамью онъ сталъ бъгать по аллеямъ, похлопывая руками въ бока и потирая уши.

Нужно сознаться, - подумаль онъ, чувствуя благопріятный результать такихъ упражненій,—что человѣкъ гораздо совершениће собаки, которая не умфетъ даже отогръть себъ уши.

И взглянувъ въ сторону собакъ, онъ увидълъ, что свертокъ его лежить растерзанный на снъгу колбасы въ немъ уже нътъ, а остатокъ хлъба съ жадностью уплетаетъ та самая собачка, которая такъ меланхолически присматривалась къ

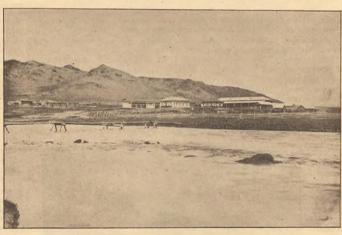
бъготиъ своихъ товарокъ.
— Ахъ, чтобъ тебя!... подскочилъ студентъ къ ней и со всего размаху двинулъ ее въ зубы. Собака съ жалобнымъ визгомъ: ай-ай!... бро-

силась къ воротамъ. Взглянувъ на изодранную бумагу, онъ теперь только ясно созналъ, что ему холодно, что онъ голоденъ и что не имъетъ пристанища!...

Какъ бы то ни было, не можетъ же студентъ 4-го курса оставаться въ такомъ двусмысленномъ положеніи.

 Чего я буду ждать здѣсь? Еще замерзну и меня возьмутъ въ полицію. Наконецъ, им'тью же я очень приличное мъсто. Сегодня кто то изъ нашихъ дежуритъ въ клиникъ, пойду смѣню его и высплюсь тамъ, какъ ангелъ, навмся, напьюсь.

Черезъ десять минуть онъ быль уже въ клиникъ, гдъ дъйствительно засталъ дежурнаго товарища и предложилъ ему сменить его на ночь

Усадьба русскаго торговца въ Усть-Канъ на Алтаъ. Къ статъъ "Инородческая кабала

Юрта осъдлаго алтайца. Къ стать: "Инородческая кабала"

съфсть, хотя онъ и не чувствовалъ голода. А

потому онъ зашелъ въ лавку и, какъ гастро-

человѣкъ практичный-чернаго хлѣба и всю эту покупку, съ чрезмѣрной гордостью приказалъ

завернуть въ сахарную бумагу. Ему показалось

даже, что лавочница смотритъ на него съ осо-

Не думаетъ ли она, что я собираюсь на съверный полюсъ! Между тъмъ лавочница, по-

дозрѣвая въ немъ хроническую голь, разсмат-

на улицу, но въ ту же минуту какая то старуха въ лохмотьяхъ ухватила его за руку и восклик-

нула умоляюще:
— Господинъ, господинъ! будьте добры, по-

и, чтобы избѣжать скандала, отдалъ бабѣ послѣд-

чески баба въ дохмотьяхъ, простирая къ нему руки.

Бъдный студентъ, точно ужаленный, вырвался

- Почуяла запахъ колбасы, -- подумалъ онъ

Пошли вамъ Богъ счастья! - сказала патети-

ривала внимательно его пятиалтынный... Получивъ три копъйки сдачи, медикъ вышелъ

беннымъ удивленіемъ.

могите бѣдной!

нія 3 копейки.

изъ ея объятій.

купилъ кусокъ высохшей колбасы, а какъ

Но товарищъ, взглянувъ на него очень пристально, категорически отказался отъ услуги, увъряи, что ни за что на свътъ не оставитъ своихъ больныхъ, но, что, если онъ хочетъ, дастъ ему свободную кровать въ другой комнатъ. Любезный товарищъ помогъ ему раздътъея, приказалъ принести горячаго чаю, уложилъ, укрылъ и въ довершеніе всего, всунулъ ему термометръ подъ мышку.

 Не воображаешь ли ты, что я боленъ? спросиять см'вясь нашъ пріятель. — Глупости! Д'яло только въ томъ, что хозяннъ выбросиять меня изъ квартиры и мн'я негд'я спать...

Если бы не это, я и не подумаль бы заглядывать сюда.
— Да, если бы не пустой желудокъ, не со-

рокоградусная температура и 120 ударовъ пульса въ минуту, то можно было бы считать тебя совсёмъ здоровымъ, думалъ товарищъ.

Бѣдный студентъ былъ въ восхищеніи отъ госпитальной кровати, поминутно втягивалъ товарища въ философскіе диспуты о томъ, что

ней и пульсированіе ихъ внутри, переливаніе соковъ въ растеніяхъ, дыханіе листьевъ, выклевываніе новыхъ почекъ.

Казалось, что при болъе сильномъ напряженіи зрѣнія можно было проникнуть въ мысли и мъняющіяся чувства въ сердцахъ людей. Для изследованія этихъ тайнъ природы не надобилось никакихъ спеціальныхъ приспособленій, а каждый предметь самъ открываль свой секреть своимъ краснор вчивымъ, звучнымъ и яснымъ языкомъ. Въ этомъ заколдованномъ мірѣ даже камни жили, чувствовали и говорили. Присмотръвшись внимательнъе, студенть замътилъ еще одно странное явленіе: все тамъ было совершенно и прекрасно, — мужчины, женщины, растенія, камни; но совершенно въ обратномъ смыслъ: все самое красивое на нашей земл'в поражало тамъ своимъ уродствомъ. Бархатъ, шелкъ, перлы и золото, среди общей роскоши выглядѣли непривлекательно и поблекшими. Въ то же время грубое полотно, сермяги, лапти, лохмотья нищихъ имъли въ себъ что-то оригинальное и эффектпослѣднее дыханіе. Исторія торговки была очень проста: въ продолженіи тридцати лѣтъ, ежедневно, она давала по селедкѣ и по куску хлѣба бѣдняку, который первымъ проходилъ возлѣ ея бочки.

Взглянувъ также въ окно ея жизни, студентъ увидълъ цълыя шеренги людей различныхъ положеній и возрастовъ, сидящихъ, лежащихъ на тротуарахъ, на снъгу, подъ заборомъ, на ступенькахъ, и всъ эти люди ъли сельди съ хлъбомъ, а надъ каждымъ изъ нихъ была изображена картина: одинъ хотълъ лишить себя жизни отъ голода, но своевременная помощь еврейки вернула ему жизнь. Другой нам'вревался украсть, но та же помощь удержала его отъ преступленія. Н'єкоторые р'єшили оставить д'єтей или убить кого нибудь изъ-за денегъ, но, небольшая селедка и кусокъ хлѣба не допустили ихъ сойти съ пути. Словомъ, въ оки в старой еврейки можно было увидъть массу людей несчастныхъ, озлобленныхъ, отчаивающихся, но получившихъ затъмъ утъшеніе, поддержку и надежду. Всъ они

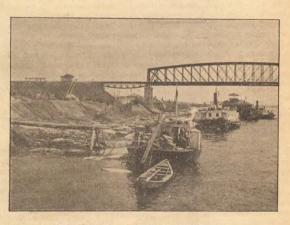
Соборъ въ пос. Ново-Николаевскомъ.

Мужекое церк.-приходское училище въ п. Ново-Николаевскомъ.

Часть соборной площади въ пос. Ново-Николаевскомъ.

Пристань въ пос. Ново-Николаевскомъ.

такое счастье? Около десяти часовъ вечера онъ почувствовалъ, себя на столько хорошо, что не только смѣялся и пѣлъ, но захотѣлъ непремѣнно встать и идти гулять—дышать лѣтнимъ воздухомъ и грѣться на солнцѣ... Пришлось силою удержать его въ постели, пока обезсилетный борьбой, онъ не впалъ въ безсознательное состояніе.

Передъ его глазами, закрытыми для земной жизни, вдругъ открылся новый мірть. Небо представилось ему изумруднымь океаномъ, усѣянымъ золотыми и серебриными островками, на которыхъ обитали очень странные люди, животныя и растенія. Глядя на этотъ невѣдомый край, онъ скептически улыбался, какъ человѣкъ, которому показывають панораму или разсказывають сказки.

Его поражаеть, однако, видъ всѣхъ предметовъ: несмотря на то, что листъя такіе же зеленые, песокъ – желтый, земля —сѣрая, цвѣты — розовые, оѣзые и голубые, все это отличается необыкновенно яркимъ блескомъ и прозрачностью. Тоже самое замѣчалось въ облакахъ и капляхъ росы. Каждый предметъ не только блестѣлъ, но и свѣтилъ, благодаря чему, всмотрѣвшись лучше, можно было видѣть движеніе кампись лучше, можно было видѣть движеніе кам

ное. Правильныя лица и формы надождали однообразіемъ, некрасивыя, уродливыя тъла возбуждали интересть.

Также прекрасно гармонировали между собой сломанныя деревья, разоренные дома, разрушенныя землетрясеніемъ цѣлыя страны.

Неподалеку отъ скалы изъ сапфировъ и топазовъ, изъ которой вытекалъ прозрачный брилліантовый ручей, студентъ увидълъ группу женщивъ. Были тамъ банкирши въ жемчужныхъ ожерельяхъ и графини въ кружевахъ и страусовыхъ перьяхъ. Всѣ онѣ съ завистъю толиились возлѣ старой еврейки—торговки сельдими. Богатые ихъ наряды на изумрудномъ фонѣ полянки выглядъли какъ старыя тряпки. Въ то же время, ватнаи кофта торговки съ торчащими клочками вылъзшей ваты, имъла видъ и блескъ бронзы, оправленной въ серебро.

Лица красавицъ были печальны и бездушны какъ трупы, въ которыхъ дотлѣвала искорка угасающей жизни.

Студентъ узналъ, что эти дамы никогда въ своей жизни ничего не сдълали хорошаго и не переживали горя. Чтобы оживитъ умирающую мысль, несчастныя существа толпились возлѣ старухи, которая, изъ жалости къ нимъ, позволяла смотрѣтъ въ окно своей жизни и черпать оттуда

размножились и давали начало новымъ страданьнять и счастью. Въ оборванной ватной кофтѣ, съ заложенными на животѣ руками, старая торговка покачивала соболѣзнующе головой. Ея милосердная душа была усѣяна чистыми воспоминаніями, какъ дерево цвѣтами весной.

 Вътакомъ случать, я могу вести здъсь очень пріятную жизнь — подумаль студенть. Мой дырявый мундиръ и пустой желудокъ сміло могуть конкурировать у окна торговки!

Мысли его прерваны были вдругъ страшнымъ визгомъ "ай-ай"!

Ему показалось, что въ уши его вбиваютъ кинжалъ. Эта сильная боль затемнила и заглушила всѣ красоты сна...

— Что за чорть! Неужели это та собака, которую онъ удариль по зубамъ въ саксонскомъ саду? Не дай Богъ, если она устроитъ мнѣ другой подобный концертъ!...

Интересно подвести итогъ своимъ заслугамъ, Похожъ ли я хотя нъсколько на счастливую торговку.

Изъ того, что я видълъ, могу заключить, что величайшей честью является страданіе, а счастьемъ добродѣтель.

И изъ сердца его стали вдругъ исходить тысячи лучей, какъ бы золотыхъ нитей, стремящихся къ земль и цъпляющихся за могилы родителей, за тотъ домъ, гдф онъ родился и провель дѣтство, за деревья, подъ которыми бѣгалъ, источники — изъ которыхъ пилъ. Нъкоторыя нити цъплялись за его друзей, за любимыя книги и даже за раекъ въ театрѣ.

Между золотистыми нитями находилось н'ьсколько черныхъ, связывающихъ его съ ненавистными людьми и предметами, онъ отравляли ему счастье, потому что радовался ли, или печалился ненавистный ему челов вкъ, черная нить одинакова терзала его сердце какой-то острой и жгучей болью. И такъ, значитъ правда, что любовь даетъ счастье, а ненависть — страданіе.

- Эге! должно быть, у меня порядочная таки горячка, если даже на четвертомъ курсъ медицины являются подобныя глупыя мысли! Неужели всегда будутъ меня терзать эти черныя нити? Глупая исторія, пробормоталъ студенть, и чтобы отогнать мрачныя мысли, которыя какъ червь вползли въ его сердце по чернымъ ниткамъ ненависти, ръшилъ изследовать новый вопросъ: для чего человѣку дана въ жизни ра-дость и на что—страданія? Въ отвѣтъ на это въ мозгу его произошла внезапная перемъна и вмѣсто яркой, свѣтлой страны предстала передъ нимъ мрачная кузница, въ которой работали два неопределенныхъ гигантскихъ существа. Одинъ великанъ раздувалъ мѣхомъ огонь, а другой хваталъ сыпавшіяся, мелкія какъ маковое зернышко, искры и заключалъ ихъ въ гранитныя
- Здравствуйте, гг. мастера!—сказалъ сту-дентъ подходя къ нимъ.—Что это вы дълаете? Я—отвътилъ первый добываю съмена

душъ, а я-добавилъ другой-вселяю ихъ въ человѣческія тъла. Фю! фю! — свистнулъ студентъ — сомнитель-

но, чтобы такое ничтожное съмя могло пробить

такую массивную оболочку. О, если бы вамъ дать ее потоньше, скоро бы вы съ ней справились, негодяи! Идите дальше, тамъ третій мастеръ скажеть, какъ это дізлается.

На порогѣ кузницы студенть, дѣйствительно, увидълъ еще одно чудовище, выполняющее очень странную работу: онъ бралъ эти гранитныя глыбы и еъ помощые стального клина и тысячефунтоваго молота пробивалъ щели въ гранитъ до самой сердцевины его. Подъ каждымъ ударомъ гранитъ стоналъ и плакалъ кровавыми слезами. Затъмъ изнутри его выбивался тоненькій стебелекъ св'та, а выставленныя на воздухъ, глыбы пускали ростки и покрывались вътками. Чудовище брало новыя глыбы, снова сверлило, добывая стебельки свъта; и такъ безко-

Извините за вопросъ-обратился студентъ —что это вы дѣлаете?

Помогаю развиваться душамъ. Взгляните,

Студентъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что въ каждой глыбъ было по два, по три, а въ нъкоторыхъ и по двадцати стеблей, на которые отовсюду дуль вѣтеръ; если онъ былъ тихій и мягкій, какъ чистая радость, стебли разростались множествомъ вѣтокъ, и вокругъ образовывался цѣлый лѣсъ. Если же дулъ сильный и горячій какъ страсть вътеръ, то нъкоторыя вътки и даже цѣлый лѣсь—высыхаль.

Кто же вы такой, г. мастеръ? - спросилъ испуганный этой кровавой работой, студентъ.

Я называюсь "Терпъніе". Если бы не я, души ваши до конца свъта оставались бы спя-

щими маковыми зернышками.

- Ой!.. чертовская же у меня горячка-подумалъ студентъ, удирая отъ кузницы.-Попробую разсудить объ этомъ здраво, согласно указаній анатоміи и физіологіи. Такъ какъ мозгъ мой сейчасъ функціонируетъ неправильно, то мнъ, конечно, мерещится, что даже страданія имъютъ свою цъль и руководятъ развитіемъ души человъческой. Если же судить о вещахъ научно, то ясно, что міръ стремится только къ уничтоженію невидимаго абсолюта, какъ микробъ въ швейцарскомъ сырѣ къ уничтоженію
- Нътъ, слава Богу, моя горячка не сильна, если не препятствуетъ мнѣ философствовать...

Очутившись вдругъ на безграничномъ пространствъ бълыхъ волнистыхъ облаковъ, онъ увидълъ

на нихъ фигуру необъятныхъ размѣровъ, превышающую своей высотой самыя высокія горы на землъ, съ скрещенными на груди руками и глубокомысленнымъ выраженіемъ лица.

Въ складкахъ ея одежды, точно въ разщелинахъ скалъ, копошились существа, величиною съ муравья, подобныя людямъ.

Студентъ сейчасъ же постигъ, что это гигантская особа ничто иное какъ олицетвореніе "дъйствительности", а ползающіе по ней муравьи силятся съ помощью подзорныхъ трубъ, циркулей, прямоугольниковъ изследовать настоящую ея форму. Муравьи работали усердно, но къ несчастью фигура была въ милліардъ милліардовъ разъ больше ихъ, вследствіе чего ни одинъ изследователь не могъ обнять взглядомъ даже незначительной части ея. Измъреніе подвигалось медленно; надъ изученіемъ одной складки работало уже нъсколько покольній.

Видя все это, бѣдный студентъ подумалъ: оказывается, что я самый совершеннъйшій человъкъ въ міръ, потому что сразу постигъ то, чего не могутъ понять мудрецы. Дѣйствительность вовсе не есть какой то хаосъ, а правильное и прекрасное цълое...

Раздавшійся, вдругъ, ужасный визгъ собаки: ай-ай! такъ встряхнулъ больного, что онъ открылъ глаза и не въ мір'в счастья, не въ мрачной кузницъ, гдъ выковываютъ человъческую жизнь, не на облакахъ, на которыхъ возвышалась "дъйствительность", очутился онъ на госпитальной кровати. Его окружали удивленныя и встревоженныя лица товарищей.

Что вы такъ ко мнв присматриваетесь? спросилъ онъ.

Ты ли это говоришь? воскликнулъ одинъ, ну, теперь будешь жить!

А стояль уже одной ногой въ гробу, - добавилъ другой.

Я побываль уже на томъ свътъ, -отвътилъ выздоравливающій, припоминая странный

 А! на томъ свѣтѣ?... Что же тамъ слышно хорошаго? Какія в'всти?-шутили товарищи.

- Смѣйтесь, сколько вамъ угодно, подумалъ студенть, махнувъ рукой, а я все таки кое что

И никогда уже онъ впоследствіи не ропталъ на свои несчастія, а напротивъ какъ бы радовался.

Каждый разъ, когда овладѣвало имъ гере и тоска, тотчасъ же припоминалъ себф лучистый стебелекъ, добываемый подъ ударами "Терпънія", и говорилъ, что въ такія минуты у него "душа разростается".

("Сар. Дн.").

Перев. Ю. Д-я.

Нѣсколько словъ о пос. Ново-Николаевскомъ.

Сибирская желъзная дорога, проръзавъ страну отъ края де края, много произвела въ ней существенныхъ изм'вненій, еще больше будетъ произведено

ихъ въ будущемъ, конечно. Подъ ея вліяніемъ значенье однихъ городовъ, какъ Тюмень, Колывань, падало, другіе же начинали быстро расти и развиваться—Курганъ, Петропавловскъ, Омскъ и проч. Возникали и совершенно новыя поселенія и быстро выростали въ крупные торгово-промышленные центры. Въ ряду этихъ новыхъ поселеній видное мъсто принадлежитъ пос. Ново-Николаевскому, расположенному на правомъ берегу р. Оби, у пересъченья ея желъзной дорогой. десять леть назадь на месте теперешняго поселка былъ сосновый боръ и только на самомъ берегу ръки находилась прижатая къ лъту заимка съ двумя - тремя хозяйствами Противъ заимки, на лѣвой части лъваго берега, гдъ теперь проходитъ желъзно-дорожная дамба, было, широко раскинувшееся, волостное село Кривощековское, отъ котораго теперь не осталось уже и следа: часть его жителей выселилась на гору, гдв и образовала деревню Кривощекову, остальные же разбрелись-кто куда... Ново-Николаевскъ въ настоящее время имъетъ видъ города съ шярокими улицами, площадями, съ кое гдв виднъющимися каменными постройками. Поселокъ живетъ бойкой жизнью: на всемъ видны следы быстраго роста, следы все расширяющагося строительства и развивающейся торговли. Въ поселкъ много магазиновъ и лавокъ, базарныя и яр-

марочныя площади, есть уже и банкъ, и казначейство, нъсколько заводовъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе сухарный военнаго в'вдомства заводъ съ производительностью въ милліонъ пудовъ сухарей въ годъ. Тъмъ же военнымъмини-сгерствомъ возводятся общирныя сооруженія для будущаго "военно-остановочнаго пункта". Населеніе поселка въ настоящее время насчитывается уже до 27 тысячь. Въ земельномъ отношеніи положеніе Ново-Николаевска весьма, однако, не устойчиво что не могло не оказывать задерживающаго влійнія на его ростъ и развитіе торговли: поселокъ не имветь вовсе своей земли, тв же земли, какими пользуются его жители, арендуются у Главнаго Управленія Алтайскаго округа. Аренда краткосрочная, участки сдаются съ торговъ, вслъдствіе чего въ болъе оживленной части поселка арендныя цъны на усадебныя мъста быстро возрастали Отсутствіе своей земли лишило поселокъ источниковъ, изъ которыхъ могли бы черпаться средства на такъ назы ваемое городское благоустройство, не позволяло многимъ прочно обстраиваться и проч. Въ скоромъ времени положение Ново-Николаевска въ этомъ отношенія рѣзко измѣнится, т. к. уже рѣшено пере дать ему земли, находящіяся въ его пользованіи на условіяхъ выкупа по ссобой опънкъ. Точно также ръшенъ вопросъ и о преобразованіи поселка въ го-Это говорить за то, что дальнъйшій рость Ново-Николаевска можетъ совершаться при болъе благопріятных условіяхь, и трудно сомивваться, что въ будущемъ Ново-Николаевскъ будеть однимь изъ крупнъйшихъ пентровъ Западной Сибири, какъ городъ, стоящій у пересвченья двухъ важивішихъ путей—Сибирской желваной дороги и Оби, прорвзывающей лучшую часть Алтайскаго округа и слу-жащей для желъзной дороги однимъ изъ главнъйшихъ питательныхъ путей. Выше Ново-Николаевска по Оби болъе десяти хлъбныхъ пристаней, важнъйшія изъ которыхъ Усть-Чарышекая пристань, Берикуль, Камень, отпускающая 10—13 милліоновъ пу-довъ хлібныхъ груговъ да прищедшемь году въ этой части Оби растита прохода, изъ котопорохода, изъ которыхъ 7 ходитъ по Бълоглазовскаго, лея ути изъ Барнаула въ Змъиногорскъ. - На изображенъ Ново-Николаевскій жел взнодорожный мость и пароходная пристань на Оби, находящаяся немного ниже

Къ рисункамъ.

Когда вы подъезжаете къ Ново-Николаевску на пароходъ, то еще издали замъчаете ажурную желѣзнодорожнаго моста, перекинутаго черезъ Обь. Мостъ имветъ семь пролетовъ. У самаго моста находится оживленная пристань, на которой идетъ работа по нагрузкъ и разгрузкъ су-довъ, горы товара лежатъ на берегу, ожидая отправки или вверхъ по Оби на пароходахъ или по желъгной дорогъ преимущественно въ Россію. Среди наваленнаго около пристани товара масса плуговъ, въялокъ, ящиковъ съ разобранными сънокосилками, сноповязалками и другими земледаль ческими машинами, идущими въ послъднее время въ громадномъ количествъ по всему Алтайскому округу. Туда же направляются горы клепки для боченковъ подъ масло, орудія для молочнаго хо-зяйства, играющаго въ посл'єдніе 5—6 л'єтъ важную роль въ хозяйствъ алтайскаго крестьянскаго

Сотни тысячъ боченковъ съ масломъ везутся въ Ново-Николаевскъ и до погрузки на желъзную до-рогу складываются въ стоящіе туть же на пристани, "погреба—ледники", покрытые деревомъ— Поднимитесь съ пристани на гору и вы увидите каменный соборъ, освященный въконцъ 1899 года. Недалеко отъ него новое зданіе мужского двух-класснаго перковно-приходскаго училища, а далье по широкой улицъ и пересъкающимъ ее переулкамъ идутъ недавно возведенныя постройки наъхавшихъ изъ разныхъ мъсть Россіи и Сибири, въ чаяніи наживы, ново-николаевскихъ обывателей. Тутъ рядомъ съ маленькой хижиной бъдняка выросли хоромы торговца, чувствующаго, какъ бы-стро создается и выростаетъ его благосостояніе. Торговля и промышленная жизнь вызвала появленіе извознаго промысла, рабочія артели, а вм'яст'я съ т'ямъ и характерную для городской жизни голытьбу, которая при случав не остановится и предъ преступленіемъ. Недаромъ Ново-Николаевскъ пользуется не особенно лестной репутаціей въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.